

Сергей Мишенёв

Нумерология фехтования

Несколько лет назад я оказался в очень неловкой ситуации. Дело было во Дворце Культуры им. Ленсовета, где я в то время преподавал. И вот после очередной лекции один из слушателей обратился ко мне с вопросом: почему в спортивном и в сценическом фехтовании нумерация позиций разная?

Вопрос, заданный мне слушателем, конечно, элементарный, поэтому я, не задумываясь, ответил, что он ошибается, и нумерация позиций во всех видах современного фехтования совершенно одинаковая.

Но слушатель вдруг проявил упорство, и предположил, что это не он, а я ошибаюсь, а чтобы у меня не осталось сомнений на этот счёт, многозначительно добавил: «Ну, я-то знаю!»

Вот она, неловкая ситуация! Как объяснить азбучные истины взрослому человеку, который явно где-то «слышал звон», сделал собственные поспешные выводы, и теперь упорствует в очевидной нелепости?

Я как можно деликатнее рассказал о причинах, которые могли ввести в заблуждение: в фехтовании, мол, всего девять цифр, но обозначаются этими цифрами двенадцать позиций, причём шесть для сабли, семь (а иногда восемь) для рапиры и человеку непосвящённому сразу бывает трудно разобраться...

Но тут мой оппонент встал и заявил, что он не относится к категории непосвященных, поскольку сам преподаёт фехтование в одном очень престижном ВУЗе!

А вот эта ситуация оказалась уж совсем ненормальной, если не сказать – неприятной. И непонятной! Потому что я просто отказываюсь понимать, как можно преподавать, к примеру, музыку и не знать всех нот? Или учить читать, не зная всех букв? Или, как в нашем случае, доверять людям холодное оружие и путаться в девяти цифрах?

В процессе дальнейшей беседы выяснилось, что мужчина преподаёт исключительно сценическое фехтование, и для нужд театра ему вполне достаточно вообще шести сабельных позиций, что вполне соответствует советской театральной традиции. Однако и на этот счёт я имею другое мнение. На мой взгляд, именно актер, играющий бойца на сцене (или, тем более, в кино), должен, обязан владеть наибольшим арсеналом фехтовальной техники, а узкая специализация как раз-таки удел

спорта: саблисты пусть совершенствуются в сабельных позициях, шпажисты – в шпажных...

В общем, в тот вечер у меня и зародилась идея: изложить все принципы фехтовальной нумерологии в одной статье, которая кому-то может показаться несколько скучной, но для кого-то (прежде всего, для работников кино и театра), быть может, окажется необходимой шпалгалкой начальных знаний.

И начать нам придётся даже не с начала, а с гораздо более ранних времён, когда нумерации не было вообще!

В Средние века люди считать умели. Но счёт этот касался, в первую очередь, торговых операций, и на благородное искусство боя не распространялся. Для обозначения позиций средневековые фехтмейстеры использовали красивые названия, которые, в художественной форме как бы кодировали внешний вид и энергетику той или иной позиции. Старинные трактаты знакомят нас со стойками сокола, кабана, женщины и другими, не упоминающая ни одной цифры. Причём, что характерно, во всех случаях речь идёт именно о стойках, а не о защитах. Эти стойки рассматривались как некие двигательные базы, и в большинстве случаев могли выполняться как оборонительную, так и атакующую функцию.

Использование художественных образов вместо нумерации достигло апогея в трактате Фиоре Дей Либери «Цветок битвы» (1410), который одновременно является ярчайшим образцом средневекового символизма. В «Цветке битвы» автор использует образы животных, которые иллюстрируют необходимые слагаемые фехтовального мастерства, легко переключаются на четыре традиционные стихии и одновременно символизируют основные психологические типы бойцов. Для этого своего bestiaria Либери избрал четырёх представителей фауны: слона, волка, тигра и орла.

Живописные фехтбухи Средневековья уступили место более прагматичным обучающим технологиям лишь в эпоху зрелого Ренессанса. И именно тогда учителя фехтования впервые стали использовать цифры. Ведь человек Возрождения уже не стеснялся торговых отношений и сопутствующих им аксессуаров. В том числе и цифр. Плюс – культурная доминанта, выведя на первый план науку, в частности математику, – сделала свое дело, и цифры стали не только допустимы, но и актуальны. Только вот единый знаменатель ещё не был выработан. Поэтому у разных учителей фехтования нумерация позиций могла существенно расходиться. Ещё больше путаницы добавлял популярный в то время кинжал для левой руки – позиции с ним тоже нумеровались. И в этом наборе цифр тоже было мало логики.

Наконец в итальянских, прежде всего, школах единый знаменатель стал выделяться из общего цифрового хаоса.

И, в первую очередь, это коснулось первой позиции. Однако современным знатокам фехтования было бы трудно опознать в ней привычную «единицу». Первая позиция «по-ренессансному» располагала оружием высоко над головой,

с остриём, обращённым к противнику. Логика ренессансных теоретиков была достаточно простой – первая позиция это та, которая образуется первой, при извлечении оружия из ножен для ведения боя. Соответственно, все дальнейшие позиции (гвардии) образовывались под этой самой первой. Ахилло Морозцо (1517) располагает их сверху вниз по часовой стрелке. Поэтому вторая позиция образуется в верхнем внешнем секторе и сильно напоминает классическую третью; третья оказывается внизу и её отдалённо можно сравнить с классической второй; и лишь четвёртая, продолжая движение по заданному кругу, попадает в верхний внутренний сектор. То есть именно туда, где лет через 150 будет находиться и наша «четвёрка» (хотя и с другим положением кисти)!

Так в фехтовальном мире появились первые (из более-менее общепринятых) четыре цифры. Сильно отличные от тех, впрочем, к которым привыкли современные фехтовальщики.

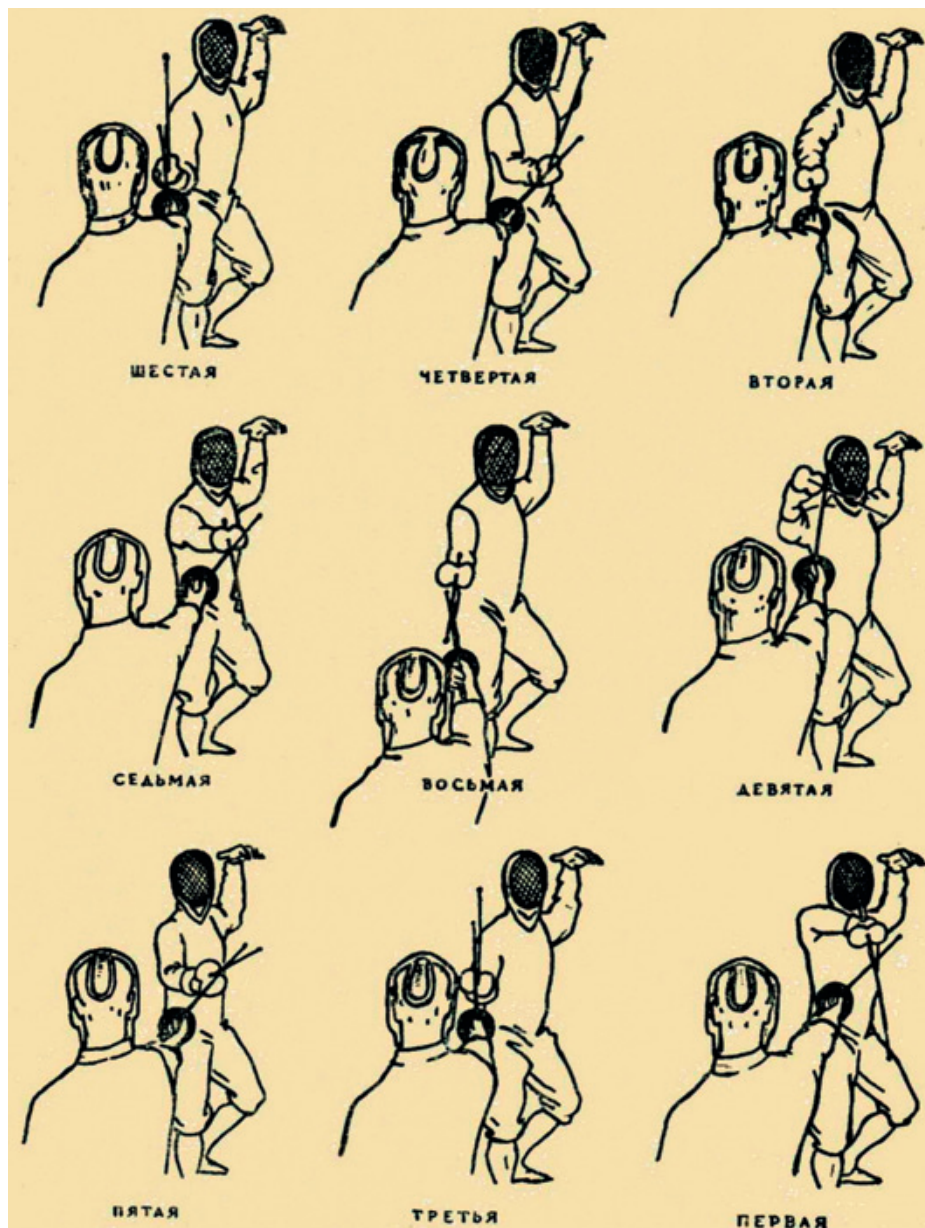
Для того чтобы цифры перестроились в более современный ряд, требовалось решительное вмешательство какой-нибудь новой, радикальной идеи. И эту идею принёс в 60-х годах XVI в. итальянский фехтмейстер Виджиани. Он-то и предположил, что фехтовальщик готов к бою не тогда, когда вытащит свою шпагу из ножен, а тогда, когда только положит руку на рукоять! Именно эту позицию (рука на рукояти шпаги в ножнах) он назвал первой и именно она, если силой воображения убрать ножны, вполне совпадает с классической «примой»! Правда, затем Виджиани пронумеровал по-своему ещё шесть позиций, внося новую порцию сумятицы. И прошло ещё примерно сто лет до тех пор, пока в трудах французских учителей фехтования не появились одинаковые, теперь уже совсем близкие к классике, позиции и цифры.

Лишь XVIII в. закрепил окончательную трактовку фехтовальной нумерологии согласно системе координат, понятной и современному фехтовальщику. Усилиями лучших французских учителей Европа приняла восемь положений вооружённой руки относительно поражаемых секторов тела. В зависимости от ситуации, каждая позиция могла исполняться как защита, захват или оппозиция (то есть – позиция в соединении с оружием противника при нанесении укола). Дальнейшие усовершенствования нумерологии уже не вносили революционных изменений, а лишь уточняли и расширяли особенности применения той или иной формы. Теперь позиции можно было разделять и по видам оружия, а точнее – по способам поражения: рубящим ударом или уколом. Выделились простые позиции рубящего оружия – третья, четвертая, пятая и шестая (сабельная); более сложные позиции исключительно колющей техники – четвёртая, шестая, седьмая и восьмая; а так же универсальные – первая и вторая.

Последним (в хронологическом смысле) нововведением в классическую нумерологию стала верхняя позиция колющего оружия,

Классическая схема позиций колющего оружия. Красными цифрами обозначены сектора, черными - номера позиций. Художник Марк Штейн

Позиции рапиры из учебника 1967 года (под ред. К. Т. Булочко). Наряду с семью классическими позициями, Булочко вводит в колющий арсенал так же третью и пятую нижнюю

известная сейчас как девятая. Только при своём появлении она ещё никакого номера не имела. Поэтому первоначально эту позицию стали именовать немного на старинный манер – не цифрой, а названием. И называли её *demi-cercle*, что в переводе с французского означает «полукруг». Действительно, сначала *demi-cercle* представлял собой лишь широкое полукруговое движение снизу вверх по часовой стрелке. Однако при дальнейшем освоении позиции выяснилось, что она может иметь и прямые, и круговые интерпретации. Таким образом, название «полукруг» перестало отражать её смысл и вскоре было заменено на новую цифру, которых, таким образом, стало ровно девять.

Сейчас в Школе фехтовальных искусств существуют особые геометрические схемы, с помощью которых удобно запоминать и понимать позиции. Эти схемы представляют собой точки конечных положений оружия, соединённые

воображаемыми прямыми. Для рубящих позиций такой схемой стал вертикальный прямоугольник, разделённый посередине горизонтальной линией – он образует шесть рубящих защит 5, 3, 4, 2, 1 и 6 – сабельная. Для колющих – равнобедренный треугольник с вписанным в него квадратом, что соответствует семи защитам колющего оружия 6, 4, 8, 7, 2, 1 и 9 (изложено в последовательности изучения).

Поэтики, которая была свойственна художественным названиям средневековых позиций, здесь совсем нет. Зато очевиден уклон в сторону оригинальной нумерологии, которую некоторые энтузиасты уже пытались трактовать, находя в этом сочетании цифр смысл высшего порядка.

Есть ли он там на самом деле – не знаю. Но элементарный порядок в классической нумерологии присутствует точно. Только чтобы как следует в нём разбираться, недостаточно уметь считать до девяти. Нумерация фехтовальных позиций – вопрос многогранный, соединяющий в себе историю, логику и, конечно, специальные знания.

Кстати, в этих специальных знаниях таятся и специальные подвохи! Например, технические. Преподавателям было бы неплохо знать, что в разных школах одни и те же позиции могут существенно отличаться друг от друга. Скажем, во второй позиции по школе Огюстена Гризье (1847) клинок расположен строго горизонтально, а в «двойке» Соколова (1848) – строго вертикально. Четвертая защита, парирующая укол, отличается от «четвёрки» против рубящего удара вплоть до разницы

в удержании оружия. А позиций, обозначаемых как первая, в различных школах Европы лично я знаю как минимум три. Не говоря уже о том, что кроме собственно защит, существует в фехтовании такое понятие, как способ постановки. Так вот, применительно к каждой защите таких способов постановки насчитывается, ни много ни мало, восемнадцать.

«Фехтовать легче, чем говорить об этом», – заявил в первой половине XIV в. Иоганн Лихтенауэр. А на мой взгляд, сложно и то, и другое. Упрощать технику в угоду узкоспециализированным потребностям, конечно, можно. Но стоит помнить, что в нашем искусстве чем сложнее, тем интереснее! А где присутствует искренний интерес, там и результат выше.

Тем более в таких живых областях деятельности, как кино или театр.